

УДК 008+316.7

DOI: 10.17223/22220836/33/27

Т.В. Чапля

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ – МЕХАНИЗМ ЖИЗНИ СОЦИУМА

Рецензия на монографию О.Т. Лойко

«Миф – архетип – текст – литургия: бытие социальной памяти»

Лойко О.Т. Миф – архетип – текст – литургия: бытие социальной памяти. Томск : Дельтаплан, 2018. 194 с.

Переломные моменты в жизни любого социума всегда остро ставят проблему сохранения и воспроизводства основных устоев, традиций, образа жизни, механизмов фиксации происходящих событий. Становление новых форм существования человечества, в частности формирование глобальной цивилизации, актуализируют вопросы идентификации не только отдельно взятой личности, но и целых народов. В связи с этим представляемая монография является не только весьма актуальным научным исследованием механизмов формирования и существования социальной памяти, но и новым словом в философской, социологической и культурологической литературе, опирающимся на обширный пласт предшествующих научных работ. При этом автор во введении заявляет, что его обращение к философской рефлексии по поводу механизма формирования и существования социальной памяти связано с «выяснением роли социальной памяти в современном топохроме» [1. С. 6].

Необходимо подчеркнуть, что написание монографии О.Т. Лойко является логическим продолжением ее научных исследований в области социальной памяти. Подтверждением устойчивого научного интереса к данной проблеме можно считать выполнение гранта РГНФ «Социальная память в интернет-пространстве как ресурс формирования коллективной идентичности», апробацию результатов исследования на философских форумах России, Германии, Стамбула, Минска. Рецензируемая монография состоит из трех разделов, введения, заключения и библиографии, что соответствует содержанию и логике изложения материала. В работе представлены кейсы, характеризующие использование понятия «социальная память в общественно-политическом дискурсе». Отмечу особо кейсы: «Гитлер – классный художник», «Кантемиры: имя в истории».

Первая глава «Социальная память: от со-крытия к открытию» посвящена анализу социальной памяти в контексте ее сопряжения с Другим, позволяющим каждому из нас определить себя, причем ситуация постижения себя через Другого задействует связи прошлого и настоящего, а через него и будущего, которое составляет основу социальной памяти.

О.Т. Лойко строит свое исследование исходя из выявленных ею противоречий, содержащихся в современном философском дискурсе: с одной стороны, достаточно полное и подробное изучение социальной памяти в рамках отдельных, частных парадигм, с другой – необходимость более глубокого исследования в рамках более широкого круга научных концептов. Автор обращает внимание на сформировавшуюся потребность в описании форм и способов бытия социальной памяти с привлечением таких философских направлений, как герменевтика и феноменология. И третье противоречие, о котором упоминает автор монографии, – потеря субъекта в огромном поле поиска носителей социальной памяти (информационных, материально-вещественных и виртуальных).

Опираясь на выявленные противоречия, исследователь определяет основные концептуальные подходы к анализу феномена социальной памяти. К таковым она относит: «феноменологический подход к социальной памяти, позволяющий выявить основные формы бытийствования социальной памяти: миф, архетип, текст, литургия» (С. 10), который позволил через введение понятия феноменологического круга определить представленность одной формы бытия социальной памяти в другой, и герменевтический, сделавший возможным введение в круг своего исследования «субъекта социальной памяти», в качестве которого могут выступать индивид, группа, общество. В итоге «вторым концептуальным основанием философского анализа социальной памяти выступает бытие человека в контексте социальной памяти» (С. 11).

Следуя логике Ю. Хабермаса, О. Лойко приходит к выводу, что самоопределение человека и общества в целом напрямую связано с проблемой переживания мы-бытия (Другого) как в сопряжении с настоящим, так и прошлым и будущим. Такая темпоральность сознания помогает увидеть проблеме частей сознания, которые оказываются «вложенными» друг в друга. В связи с этим становится оправдана критика «бессубъектности» современной постмодернистской философии, так как мы не можем говорить о памяти без ее носителя.

Вслед за Ю.М. Лотманом и Я. Асманн автор монографии делает важный вывод: тождественное понимание и передача смыслов составляют основу всех коммуникативных процессов в обществе, а содержанием социальной памяти и является движение смыслов. Как известно, процессы передачи и потребления смыслов (сообщений) всегда предполагают, согласно теории информации, наличие шумов, ведущих к частичной потере смысла как в момент ее передачи, так и в момент ее интерпретации адресатом (перекодировки сообщения), что активно используется сегодня в политической сфере. О.Т. Лойко считает, что «выявление „общего“ объема бытия социальной памяти способно минимизировать этот процесс» (С. 14).

Постановка в первой главе вопросов о том, что попадает в содержание социальной памяти после того, как оно было забыто, и каким образом возможна интерпретация ценностно-смыслового содержания социальной памяти при вспоминании забытого, ставит монографию в один ряд с наиболее актуальным направлением в современной культурологии – культуросоциологией, которая исследует то, как формируются смыслы тех или иных событий и как они трансформируются во времени.

Автор выделяет зазор между исторической и социальной памятью. Под первой понимается хроника событий, для которых уже установлены ценностные ориентиры, следовательно, она направлена в прошлое. Вторая возникает по мере расширения социальной практики, формирующей потребность в нормативном отношении к прошлому, так как она имеет дело с настоящим, длящимся бытием. «То, что незакончено, не забывается... должно выступать в определенных формах» (С. 17). К таковым формам бытия социальной памяти автор относит миф, архетип и текст, и впервые в российской философской мысли систематизируются эти основные формы бытия социальной памяти. «Если миф способен сохранить и трансмутировать непосредственное содержание социальной памяти, так называемую память рода, архетип, выступая как означиваемое, показывает его глубинную сущность, то текст в силу универсальности, присущей ему как форме бытия социальной памяти, способен, благодаря бесконечному числу интерпретаций зафиксированного в нем ценностно-символического содержания социальной памяти, представить более полно смысл запоминаемого» (Там же). Феноменом, объединяющим эти три формы социальной памяти, выступает литургия «как постоянное, интенционально ориентированное, незавершаемое со-бытие, в котором предельно полно раскрывается бытие социальной памяти» (Там же).

В качестве способов понимания социальной памяти О.Т. Лойко предлагает использовать ритуал, знак и социокод. Они логически следуют друг за другом, так как ритуал предполагает фиксацию и хранение сведений «о порядке протекания процессов в коллективной памяти... Знак... позволяет осуществить опосредованное понимание содержания социальной памяти. Социокод способен в предельно абстрактной форме представить содержание и смысл событий, составляющих ее содержание» (С. 18).

Исследование социальной памяти в частности и памяти как феномена автор начинает с глубокого и тщательного анализа трудов Платона, Аристотеля, Цицерона, Аврелия Августина, Альберта Великого, Э. Роттердамского и др. В итоге О.Т. Лойко приходит к выводу, что для них память представляла собой присущее человеку свойство, отражающее, сохраняющее и передающее потомкам представления об окружающем мире. Исследователь не ограничивается трудами только западных мыслителей, она демонстрирует знание текстов египетской, иудейской культур, в которых память рассматривалась как «учитель жизни».

Ценным элементом монографии является анализ философских концепций авторов XIX–XX вв., психологических трудов как отечественных, так и зарубежных исследователей, в частности работы М. Хальбвакса, его тезиса о «социальных рамках памяти», выступающих в качестве инструмента создания образов прошлого. Другой ракурс исследования позволили сформировать работы, посвященные анализу взаимосвязи социальной и исторической памяти (А. Ассман, Э. Варбург, Ю.А. Левада и др.), труды семиотиков (Ю.М. Лотман, Р. Лахманн и др.). Достоинством работы является обращение к ранее не включенным в исследовательское поле социальной памяти работам деятелей российской культуры. Речь идет о личности Петра Николаевича Милюкова (1859–1943). В своей статье «Интеллигенция и историческая традиция» Милюков впервые использует понятие «социальная память».

Вторая глава «Бытие социальной памяти» посвящена анализу форм бытия социальной памяти с позиций феноменологии. Данный подход позволил автору доказать, что, «во-первых, человек в своей социальной творческой деятельности постоянно воссоздает такие формы бытия социальной памяти, как миф, архетип и текст... Во-вторых, диалектическое совмещение исторического и логического позволяет сделать вывод о наличии такой формы бытия социальной памяти, которая имманентно содержит в себе в снятом, а иногда и в явном виде все специфицирующие характеристики мифа, архетипа и текста... литургии» (С. 34). Автор делает значительный шаг в упорядочивании перечня форм бытия социальной памяти. В работе вводятся критерии, на основе которых возможно выделить формы бытия социальной памяти: всеобщность их наличия и напряженное диалектическое взаимодействие и взаимопроникновение, характеризующее современную культуру модерна. В соответствии с заданной логикой в монографии представлен анализ форм бытия социальной памяти: мифа, архетипа, текста и литургии.

Одной из первых форм бытия социальной памяти Лойко предлагает рассматривать миф, который на ранних этапах развития человечества представлял собой «и речь, и память, и восприятие мира, и инструмент его познания, и способ бытия человека во Вселенной...» (С. 35). Достаточно обоснованным выглядит аргумент автора о первоначально ритуальной составляющей мифа, в которой при каждом повторении ритуала воспроизводится событие, о котором он рассказывает, именно этот момент и запускает механизм памяти, связывающей это событие с прошлым, настоящим и будущим. Здесь же зарождается и диалогическая природа социальной памяти. Благодаря первым ритуалам и мифам человек пытается взаимодействовать со всем окружающим континуальным миром, т.е. выстраивать диалог, а миф в этом случае выступает первой формой фиксации такого диалога. Эти выводы позволяют связать процессы функционирования социальной памяти современности и древности, делая исследование О.Т. Лойко еще более актуальным.

Анализ мифа как формы социальной памяти автор монографии обосновывает, опираясь на работы Р. Барта, Ю.М. Лотмана, А.Ф. Лосева. Исследуя семиологическую концепцию, О.Т. Лойко приходит к выводу о достоинствах катафатического метода, позволяющего описать нормативную природу мифа как форму бытия социальной памяти и предложенного А.Ф. Лосевым апофатического метода изучения мифа, описывающего миф как форму диалога, характеризующего разные степени реальности и присущего не только древним, но и всем типам обществ. Сочетание вышеназванных методов позволило сделать обоснованный вывод: «В мифе человек имеет реальную возможность прожить свою уникальную и неповторимую жизнь не только в реальном настоящем, но и в гипотетическом будущем и в свершившемся прошлом. Условием этого проживания является адекватное понимание мифа как личной истории, которая, будучи зафиксированной в памяти другого, может продолжить свое бытие в моей уникальной памяти» (С. 50).

Следующей в исторической перспективе формой социальной памяти и основой ее единства и идентичности выступает, по мнению автора, архетип. Исходя из юнговской теории архетипов и опираясь на исторический метод, О.Т. Лойко приходит к логическому и научно доказанному заключению: «В отличие от мифа, архетип являет собой более высокую степень абстрак-

ции. Миф, как правило, выступает в вербализованно-знаковой форме, которая сама по себе приобретает персонифицированное бытие. Миф зачастую связан с конкретными деяниями человека или божества... Миф как бы помогает человеку „прожить“ в своей индивидуальной памяти наиболее значимые события памяти коллективной. Архетип включает в себя глубинные ментальные характеристики культуры человечества как онтологическую данность. ...Архетип в снятом виде хранит необходимую информацию о том типе поведения, который становится актуальным в конкретной ситуации» (С. 59–60).

Новой формой существования социальной памяти стала письменная культура и ее выражение – текст. Несомненно, оригинальным является рассмотрение текста как особой формы бытия социальной памяти, которая, по утверждению автора, является в собственной вербальной форме. Методологическую основу изучения текста в монографии составили труды Ф. де Сосюра, В. Проппа, Р. Барта, Ю.М. Лотмана и др. Центральным понятием, вокруг которого строится анализ текста как формы социальной памяти, стало понятие интертекстуальности. «Именно через интертекстуальность текст одной культуры включается в текст другой культурной традиции как в последовательно историческом (вертикальном плане), так и в контексте культур, относящихся к одному и тому же топосу (горизонтальный план)» (С. 75).

Соединение всех предшествующих форм социальной памяти: мифа, архетипа и текста – происходит в литургии. Использование трудов М. Вебера, Г. Эклсе, А. Хенгги и др. приводит автора к необходимости выявления взаимосвязи между актами поминовения и социальной памятью. Именно память о предках может рассматриваться в качестве основы сохранения народной памяти. Анализ литургии строится в рамках пространственно-временного континуума христианства. Центральным событием, вокруг которого строится земная жизнь человека в христианстве, является смерть Спасителя, поэтому совершая литургию, мы постоянно поддерживаем живое воспоминание о нем и связь между прошлым, настоящим и будущим. Таким образом, «память в литургии, особенно в ее духовном эпицентре – Божественной Евхаристии, вобрав в себя миф как живое, постоянно повторяющееся чудо, архетип, как первообраз Бога, Слово как высшее выражение смысла происходящего, преобразуется в память вечную, в которой происходит реальная встреча за-бытия с бытием» (С. 100).

Опираясь на данный вывод, О.Т. Лойко идет дальше и фиксирует следующий шаг в понимании социальной памяти. Она описывает роль повторяемости и ее исторической обусловленности, которая не всегда осознается последующими поколениями. Каждое последующее поколение, несмотря на свою уверенность в точном и полном воспроизведении того или иного события или факта, подает его в новой аранжировке, сохраняя смысловое ядро, и литургия в данном ключе может рассматриваться как способ «тренировки памяти» (С. 101).

Третья глава «Человек в контексте социальной памяти» посвящена поиску возможностей понимания сущности социальной памяти для последующей ее трансляции потомкам. Решение этой задачи возможно, по мнению автора монографии, только при использовании герменевтического подхода и признания активной роли личности.

О.Т. Лойко предлагает весьма плодотворный способ решения этой задачи путем анализа внутреннего механизма действия социальной памяти, в качестве какового на разных этапах истории были ритуал, знак и социокод.

Одним из первых средств фиксации необходимого содержания, его передачи последующим поколениям в дописменных культурах выступает ритуал. Здесь исследовательница, следуя идеям Г. Блумера, Дж. Мида, Я. Асманна, приходит к следующим положениям. Благодаря тому, что участник ритуального действия является активным, «он как бы переносится из модальности аподиктической, в рамках которой событие уже свершилось, в модальность деонтическую, события которой развиваются „здесь и сейчас“, и от самого субъекта действия зависит его благополучный или, напротив, трагический исход» (С. 110). Благодаря таким повторяющимся действиям, архаические культуры создают мнемокоды, цель которых – создание и передача содержания исторической памяти с минимальными искажениями. К этому О.Т. Лойко добавляет и еще одну черту социальной памяти, связанную с ритуалом, – возможность футурологического эксперимента, который позволял обратиться к богу с различными просьбами.

В качестве способа понимания, презентации и трансляции социальной памяти О.Т. Лойко вполне обоснованно предлагает использовать знак. Свой анализ автор строит, опираясь на идею М.К. Петрова «о возможной, пока латентной связи знака и социальности» (С. 126). Свои рассуждения О.Т. Лойко строит на выделении отношений к знаку в зависимости от обозначаемого и устанавливает несколько уровней постижения содержания социальной памяти. Первый связан с семиотической операцией, которая устанавливает общий ментальный тезаурус, «который не позволяет забыть значение и имя того события, которое уже „включено“ в содержание социальной памяти» (С. 127). Это возможно при условии использования обществом одинаковых знаков и их значений, что не всегда реализуется и тем самым создает почву для разного рода манипуляций. Второй уровень связан с синтаксическими и прагматическими отношениями внутри социальной памяти. «Синтаксис и прагматика образуют вторичную знаковую систему социальной памяти, в которой выстраиваются отношения между тем, что уже произошло, зафиксировалось в содержании социальной памяти и может быть передано последующим поколениям...» (С. 128–129). Активную роль в этом процессе играет действующий субъект, поскольку только он способен придать передаваемым сообщениям о тех или иных событиях ту или иную ценностную окраску.

В качестве знаковой реалии автор использует термин «социокод», под которым «понимается универсальная способность понимания и интерпретирования содержания социальной памяти, которая реализуется в общении, принимая зачастую форму диалога с Другим» (С. 139).

Следуя логике М.К. Петрова, О.Т. Лойко предлагает различать личное, стратификационно-именное и понятийное кодирование. Первый, лично-именной, социокод, присущий традиционным типам культур, сохраняет содержание социальной памяти при соблюдении определенных условий: он прочно связан с тем сообществом, чью память он фиксирует, и в нем с трудом можно сохранить не актуализированные в этом сообществе знания. Второй тип кодирования предполагает совмещение в содержании социальной памяти текста и знака и требует наличия у определенной страты единой знаковой системы. Третий, понятийный, тип кодирования связан с генерированием новых текстов культуры, более понятных Другим.

В итоге «содержание социальной памяти понимается исходя из того, насколько способ кодирования соответствует востребованности той или иной формы ее бытия» (С. 144). Опираясь на идеи А.К. Сухотина, автор предлагает пути возможного расширения ментальной вместимости социальной памяти: минимизацию и концентрацию. С точки зрения О.Т. Лойко, ускорение развития человечества и постоянный рост информации поставили вопрос сохранения и удержания объема социальной памяти. В связи с этим, считает она, «...увеличение ёмкости социальной памяти возможно при условии минимизации способов ее хранения, которые могут выступать в форме наукоемких электронных технологий и высокоэффективных организационных мнемотехник» (С. 146). Второй способ – «...концентрация способна увеличить объем за счет более совершенных способов социального кодирования, которые предполагают активную «включенность» субъекта в непосредственные (ритуал), опосредованные (знак) и модальные (социокод) связи, в которых человек как активно действующее создание способен понять и оценить реалии прошлого, настоящего и будущего» (С. 147).

Таким образом, монография О.Т. Лойко демонстрирует актуальность проведенного исследования феномена социальной памяти, позволяющего науке сделать еще один шаг в направлении понимания механизмов порождения, фиксации и передачи своего опыта последующим поколениям. В работе сделан акцент именно на действующего субъекта, что усилило антропологическую составляющую в интерпретации проблем социальной памяти. Монография имеет непосредственное практическое значение для современного социума, так как изучение механизмов существования и наполнения социальной памяти может способствовать теоретической разработке национальной идеи, формированию толерантного отношения к представителям других культур и установлению диалога между носителями разной по содержанию социальной памяти.

Текст монографии отражает широкий пласт проблем, связанных с социальной памятью, которые носят не только теоретическую значимость. Так, автором намечены исследовательские тренды архетипов, мифологем, знаков, которые используются в современной рекламе и несут далеко не позитивное воздействие на человека, манипулируя его поведением, поступками. Именно поэтому исследование механизмов, форм и способов бытия социальной памяти – это востребованное направление современной философской мысли. И это работа не одного дня и не одного человека.

О. Лойко в приложении к своей монографии представила краткое резюме на немецком и английском языках. Это хороший способ продвижения научных исследований российских философов в межкультурное пространство и вносит определенный вклад в научную дипломатию как своеобразную «мягкую силу», способную преобразовать общее научное поле.

Tatyana V. Chaplya, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: Chap_70@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2019, 33, pp. 306–312.

DOI: 10.17223/22220836/33/27

SOCIAL MEMORY – THE MECHANISM OF SOCIETIES LIFE